

Вера Лаврина

ЧУДЕСНЫЕ ПЛАТЬЯ

Ровно полгода осталось до совершеннолетия юной красавицы Амелии. Это значит, что ранней осенью она будет представлена самой царице Таврской. Всех дворянских детей, которым исполнялось шестнадцать лет, каждый год в одно и то же время привозили со всего царства ко двору государыни и представляли их лично её высочеству. Такой порядок был заведен с давних пор. При дворе устраивался пышный праздник первого знакомства, который длился три дня. Его называли ещё праздником вишнёвого стола. Царица Таврская очень любила вишню, которая в это время в изобилии поспевала в её садах. К праздничному столу подавали вишнёвые соки, вина, на десерт повара готовили вишнёвое желе, пироги со свежей вишней и прочие лакомства из любимой государыней ягоды.

Так вот, роскошный праздник длился три дня. В первый день каждого вновь прибывшего утром представляли царице Таврской. В полдень следующего дня устраивался пышный обед, а на третий день вечером приём завершался грандиозным балом.

Но чем ближе подходил праздник вишнёвого стола, тем грустнее становилась Амелия. Её жених, благородный кавалер Еремей, конечно, заметил: с его невестой что-то происходит.

– Что с тобой, дорогая моя Амелия? Ты грустнеешь день ото дня?

– Скоро праздник вишнёвого стола.

– Я помню. Но разве это грустно?

– Ты забыл, что к празднику нужно приготовить три новых платья. А у меня нет и одного, в котором я могу быть представлена царице.

И правда, родители Амелии, хоть и принадлежали к дворянскому роду, были очень бедны. Такое случается среди дворян. Какой-то их предок промотал всё богатство. И теперь они жили в старом обветшалом доме, едва сводя концы с концами. Амелии и её сестрам самим приходилось ходить на рынок, стряпать обеды. И даже, скажу вам по величайшему секрету, ставить заплатки на свои старенькие платьица.

– Всё, на что я могу рассчитывать – это позапрошлогоднее платье моей старшей сестры, – продолжала жаловаться Амелия своему жениху. – Оно такое старомодное! В нём я буду посмешищем всего двора, – Амелия горько расплакалась. – Уж лучше я вовсе не поеду на праздник, чем надену это гадкое платье! – всхлипывала она.

Действительно, придворные с особым удовольствием высмеивали бедные и старомодные наряды. На это были свои причины, и о них вы узнаете позже.

Но Амелия так хороша и стройна! Какое бы внимание она обратила на себя, будь у неё красивый наряд.

– Значит, дело только в платьях?! – воскликнул кавалер Еремей. –

Утешься, дорогая Амелия, я добуду тебе самые чудесные наряды для приёма.

Еремей так любил свою невесту, что готов был сделать для нее все, что угодно. Правда, Еремей тоже не владел большим богатством. Родители оставили ему в наследство лишь старинный дворец. Он продал его, взял вырученные деньги, надел дорожный плащ и отправился вместе со своим верным оруженосцем на поиски самых чудесных нарядов для своей возлюбленной.

А пока благородный кавалер Еремей путешествует в поисках платьев, надо рассказать вам о том, почему они так много значили для юной красавицы.

Дело в том, что царица Таврская необыкновенно любила наряжаться и без конца менять наряды. Если она больше двух часов была в одном и том же платье, у нее начинались головокружение или даже головная боль. Она прерывала самые важные приёмы и совещания, откладывала все государственные дела и спешила в гардеробную, чтобы надеть новый костюм. Но даже, когда она сидела на троне, к ней поминутно подходили придворные дамы и меняли ей перчатки, накидки, веера и другие мелочи, подносили ей благовония, чтобы царица каждую минуту выглядела по-новому.

При дворце работали сотни белошвеек, кружевниц, сапожников, ювелиров. Целыми днями они кроили, вязали, плели, ткали, тачали, шили наряды для царицы Таврской. Для нарядов пришлось построить огромную гардеробную, в которой из зала в зал тянулись бесконечные ряды с костюмами.

Каждый вечер в покои государыни главная распорядительница нарядов вносила обнови к следующему дню.

– Ну, сколько можно шить одно и то же!? – начинала капризничать царица. – Эти банты, кружева, рюши, удлиненные талии! – злилась она, отбрасывая не понравившийся наряд. – А корона!? Опять с изумрудами? На прошлой неделе с изумрудами, на позапрошлой с изумрудами!

Капризам царицы не было конца!

– На прошлой неделе была с аметистами, – оправдывалась главная распорядительница нарядов, – а на позапрошлой – из чистого янтаря.

– Ну, значит, на позапозапозапозапрошлой неделе была с изумрудами! Туфли, конечно же, с брошью и опять голубые.

– Но голубых туфель не было уже месяц. Мы подумали, что к летнему наряду...

– Подумали! Вот и додумались бы, что я хочу завтра надеть туфли сливового цвета!

– Такие туфли есть для прогулки по сливовой роще, если помните, она будет завтра, между тремя и четырьмя часами дня, – чуть не плача отвечала главная распорядительница нарядов. – А потом, когда вы пойдете к чаю в голубую гостиную, вы наденете нежно-голубое шифоновое платье и голубые туфли. Вы будете ступать по ковру, и цвет ваших туфель сплетется с узором голубого ковра. Это будет великолепно!

Царица Таврская милостиво кивнула.

– Ну а к завтрашнему ужину какое платье?

– О! К завтрашнему ужину мы приготовили вам сюрприз! – оживилась главная распорядительница нарядов. – На ужин подадут индейку, запеченную в горчичном соусе на саксонском сервизе «Золотой апельсин». Ах, какое мы сшили вам платье из китайского золотисто-оранжевого шелка в тон сервизу и индейке. Вот, посмотрите.

– Неплохо, – обронила царица. – Надеюсь, и вечернее платье не хуже.

– Конечно! Оно прекрасное! – главная распорядительница нарядов приободрилась. – Ваше вечернее платье мы назвали «летающая звезда». Несколько кусков легчайшей ткани мастерицы вырезали звездообразно. Вы наденете их один на другой. В ткань вплетены блестящие нити, они напоминают лучи звёзд.

Главная распорядительница нарядов развернула перед царицей Таврской дивное платье.

– Чудесно! Чудесно! – воскликнула царица.

Кажется, сегодня она осталась довольна. Распорядительница нарядов перевела дух. Но лишь на несколько мгновений. Потому что платья для царицы на следующую неделю ещё не были готовы, а ведь уже пятница. И так каждую неделю!

Придворные, ясное дело, не отставали от своей царицы. Только и разговоров было, что о кружевных перчатках, меховых манто, корсетах, благовониях, париках и румянах.

Вот почему папеньки и маменьки старались принарядить своих детей на праздник вишнёвого стола как можно богаче и наряднее, чтобы не ударить в грязь лицом перед царицей и ее двором. Ведь если государыне понравится наряд, то она обратит внимание и на его владельца. Глядишь, она осыплет своими милостями или даст дитяте какое-нибудь доходное место при дворе.

Теперь можно вообразить, с каким нетерпением ждала Амелия возвращения своего жениха, кавалера Еремея, с платьями.

Тем временем в далеких, далеких землях Еремей отыскал несравненную мастерицу Златоручку. Она была так искусна, что могла соткать ткань из чего угодно: из облаков, цветочной пыльцы, снежных хлопьев, тонких паутинок. Из чудесной ткани она шила необыкновенные наряды. Еремей отдал ей все свои сокровища и заказал три платья.

– Сделайте для моей прекрасной невесты Амелии такие платья, краше которых нет на всем белом свете! – попросил он Златоручку.

Долго трудилась Златоручка над нарядами для Амелии, так долго, что Еремей мог и не вернуться к намеченному празднику. Он уже сидел верхом на лошади, готовый отправиться в обратный путь, когда Златоручка дошивала последнее платье. Правда, она так и не успела пришить один рукав.

– Это не будет заметно, – успокоила Златоручка Еремея.

Мастерица положила все три платья в маленький сундучок и отдала Еремею. Тот подхватил его, и вместе со своим оруженосцем они поспешили в земли царицы Таврской.

Амелия день и ночь сидела у окна и не отводила глаз от дороги, по которой должен был вернуться Еремей. И вот в последний день, когда настал срок отправляться ко двору царицы Таврской, и когда Амелия уже потеряла всякую надежду на возвращение Еремея, она увидела на горизонте облачко пыли. Сердце её дрогнуло:

– Это Еремей! – воскликнула она.

Амелия не ошиблась. К её дому во весь дух мчались два всадника – Еремей и его оруженосец! И вот уже Еремей протягивает своей возлюбленной небольшой сундучок. Открыв его, она просто потеряла дар речи – так чудесны были платья Златоручки. Красавица разрыдалась и упала на грудь своего возлюбленного.

– Ах, Еремей, нет во всем свете никого прекраснее и благороднее тебя, – произнесла она, наконец, сквозь слёзы.

А Еремей был так счастлив видеть радостные, сияющие глаза своей возлюбленной невесты!

Но нельзя было медлить ни минуты. В тот же вечер Еремей, Амелия, её родители и сестры отправились на праздник вишнёвого стола.

И вот наступила торжественная минута: в тронный зал один за другим стали вводить молодых дворян и представлять царице. Они склонялись перед ней в глубоком поклоне, а царица милостиво кивала им. Конечно, и придворные, и царица придирчиво осматривали их наряды.

Настала очередь Амелии. Как только она вошла в тронный зал – все придворные ахнули. Златоручка сшила ей для первого праздничного приема платье из полотна, сотканного из чистой утренней росы. Чудесные бусинки обтекали стройную фигурку Амелии. Они напоминали, то маленькие жемчужинки, матово переливаясь при каждом движении, то вспыхивали бриллиантами, когда на них падали лучи яркого света. Юная красавица в этом наряде выглядела неземным созданием. Вдох восхищения пронесся по тронному залу. Толпа придворных подалась вперед, чтобы лучше разглядеть это чудесное платье. Даже избалованная нарядами царица Таврская была поражена.

– Подойди ко мне ближе, дитя моё, – обратилась государыня к Амелии. Та, робея, приблизилась к трону.

– У тебя чудесное платье. Откуда оно у тебя?

– Мне подарил его мой жених, Еремей, – волнуясь, ответила Амелия.

– У твоего жениха прекрасный вкус, Амелия, – это сказал молодой царевич Георгий, сын царицы Таврской, наследник трона. Он с восхищением смотрел на юную красавицу.

Царица долго не отпускала Амелию, она попросила представить ей жениха Еремея, долго расспрашивала его о Златоручке, о нарядах, которые она шьет. Время от времени царица бросала гневные взгляды на главную распорядительницу нарядов: у бедной дворянки платье оказалось во сто крат лучше, чем у самой царицы Таврской!

Можно было заметить, что и царевич Георгий не сводил восторженного взгляда с Амелии. Право, неловко, ведь рядом стоял её жених.

На следующий день, как вы помните, для юных дворян устраивался пышный обед. Всё утро только и разговоров было, что о необыкновенном платье прекрасной Амелии. Прошел слух, что на дневном приёме она появится в еще более чудесном наряде. Поэтому все с нетерпением ждали Амелию, чтобы хорошенько рассмотреть её новое платье, и не садились за столы.

Когда она появилась, в большом зале на несколько мгновений воцарилась тишина. Затем началось настоящее столпотворение, все старались придвинуться поближе, чтобы рассмотреть её платье, задние напирали на передних. Некоторые придворные дамы даже вскочили на стулья и скамейки, чтоб увидеть Амелию, так что распорядитель придворных церемоний вынужден был призвать их к порядку.

И было чем восхищаться! На дневной приём Златоручка сшила для Амелии платье из полотна, сотканного из полуденных солнечных лучей. Такого никто никогда не видывал. Платье сияло и переливалось золотым светом, ниспадало солнечным потоком, струилось за юной красавицей сияющими волнами. Она шла по залу в этом золотом сиянии, и казалась ангелом, сошедшим с небес. Невозможно было отвести от неё глаз.

Царевич Георгий подошел засвидетельствовать свое восхищение.

– Я вам завидую, дружище, – запросто сказал он Еремею. – Не видел более прекрасной невесты, чем ваша. Позвольте, я посажу вас и вашу невесту поближе к себе, ведь ангелы, увы, редко спускаются с небес. А с вами она будет всегда.

Главный распорядитель церемоний подвел Амелию и Еремея к столу и посадил их напротив царевича Георгия, так что они могли говорить друг с другом. Царевич оказывал особые знаки внимания молодой паре. Он велел подать самое драгоценное вино, один глоток которого стоил целое состояние, угощал их пирожными из взбитых перепелиных яиц с вишневым желе.

Разве виноват царевич, что Амелия так прекрасна, и разве можно не смотреть на нее восхищенным взором? А Амелии казалось, что она попала в волшебный сказочный сон: роскошный царский дворец, восторженные взгляды придворных, пристальное внимание самого царевича. Голову кружило драгоценное вино, а чудесное сияющее платье из полуденных солнечных лучей сделало ее первой красавицей Таврского царства.

И наконец, наступил третий, последний день празднеств. Разговоры велись только о том, в каком же платье появится Амелия на этот раз.

– Нет! Лучше того, что мы уже видели, быть не может, – говорили одни.

– Но мы так думали и после первого дня. Однако платье из полуденных солнечных лучей затмило первое платье, – замечали другие

– Платье из утренней росы было не хуже, нет, не хуже.

– Не хуже, вы говорите? Да никакого сравнения! – так судачили придворные, ожидая вечерний бал.

И вот вечером в вишнёвом саду зажглись фонари, слуги расставили легкие плетёные стулья. На вишнёвых деревьях среди спелых вишен были

развешаны яблоки, апельсины, сладости и всяческие безделушки.

Музыканты заняли свои места.

– Идёт! Она идёт! – пронеслось по саду.

– Необыкновенно! Дивно! Сказочно! – раздавались со всех сторон восторженные возгласы.

На этот раз на Амелии было платье, сшитое Златоручкой из ткани, сотканной из вечерней розовой зари. Вы помните, что Златоручка не успела его закончить – одно плечо красавицы было обнажено. Но зато мастерица вплела в ткань тонкие струи ветра. Платье легко оведало стан прекрасной Амелии чудным розовым облачком. И тонкие струйки розового света поднимались к её обнаженному плечу. Ткань трепетала и колыхалась сама собой – ведь в этот день не было ни малейшего дуновения ветерка! Весь двор был ошеломлён. Амелия вновь покорила всех своим нарядом.

Вальсы сменялись мазурками и польками. Амелия с Еремеем танцевали танец за танцем.

Все заметили еще одно чудо: чем сильнее сгущались сумерки, тем ярче разгорался розовый цвет платья Амелии – как раз в тон вечерней зари.

– Ах, смотрите, смотрите, оно меняет цвет прямо на глазах!

– Вот это чудо! – Амелии не давали проходу, за ней неотступно следовала толпа поклонников.

А у юной красавицы в этот вечер было грустное настроение. «Это последний сказочный вечер, – с печалью думала она. – Завтра всё кончится, мы вернемся в наш бедный обветшалый дом. Я буду вязать рукавицы и носки, донашивать старую одежду своих старших сестер. Да, я выйду замуж за Еремея, но ведь он потратил всё, что у него было, на эти платья, и теперь так же беден, как и мы. Буду штопать ему куртки, ругаться с торговками на рынке за каждую копейку. Ах, как быстро несётся это счастливое время!»

Тут заиграла музыка, и к юной паре подошел царевич Георгий.

– Разрешите, Еремей, похитить на один танец ваше сокровище?

Конечно, Еремей не мог отказать царевичу.

– Амелия, я просто потерял голову, – шепнул ей Георгий во время танца, – я влюбился в вас с первого взгляда. И что делать теперь несчастному царевичу?

– Я обручена, – опустив взор, ответила Амелия.

– Да, всем известно, что есть счастливчик, которому вы отдали свою руку, – грустно улыбнулся царевич. – Но неужели у меня нет никакой надежды?

– Вы, ваше величество, могли бы отдать любой приказ, – Амелия смело взглянула в глаза Георгию.

– Но я не могу отдать приказ, чтобы Еремей перестал быть вашим женихом – царевичи так не поступают.

– Нет, конечно, но вы можете отдать приказ о том, чтобы вашего подданного послали... на войну. Кажется, в нашем царстве где-то идет война? – спросила Амелия, легко кружась в танце. Чудесное платье из утренней розовой зари стало еще более ярким.

– Да, на южных границах, – не сразу вспомнил царевич Георгий.

– Простите, ваше величество, на восточных, – уточнила Амелия.

– Ах, действительно, на восточных. Вы так хорошо знаете государственные дела! – восхитился царевич.

– Спасибо, – скромно потупила взор Амелия. – И там, на войне, много опасностей и безвыходных положений? – бесхитростно спросила она.

– Полагаю, да.

– Еремей очень любит опасные задания и трудные положения.

– Он всегда находит выход из трудных положений?

– Если выход есть. Но... ведь его можно закрыть.

– Как его закрыть? – царевич был недогадлив.

– Как закрыть? Особым тайным письмом его величества, – улыбнулась Амелия, приседая под звуки нежного менуэта. Её платье из вечерней розовой зари приобрело в этот миг красноватый оттенок.

– Так вы любите меня!? – горячо прошептал царевич Георгий.

– Да, – тихо ответила красавица.

Когда она вернулась к Еремею, её платье горело кроваво-красным цветом.

Вскоре после праздника вишнёвого стола, кавалеру Еремею пришел приказ его величества, в котором говорилось, что Еремей должен отправиться на войну к восточным рубежам государства. Благородный Еремей попрощался со своей невестой, надел дорожный плащ, взял оружие и вместе со своим верным оруженосцем отправился на войну.

Сразу же вслед за Еремеем из дворца выехал чёрный всадник с тайным письмом его величества. Стояла осень, выпал первый снег. Копыта звонко стучали по обледенелой дороге. Чёрный всадник в широком развивающемся плаще напоминал летящего ворона. Он долго был виден на заснеженном поле с городских башен. В это время над городом поплыл колокольный звон: в церквях зазвонили к утренней службе.

Очень скоро Амелии пришло сообщение о том, что её жених, доблестный кавалер Еремей, убит на войне при выполнении опасного задания. Плакала ли она о своем женихе? Оставим этот вопрос без ответа.

Едва-едва закончились дни траура по Еремею, как Амелия была провозглашена невестой царевича Георгия и доставлена во дворец. Начались приготовления к свадьбе. Царица Таврская и все придворные с воодушевлением стали шить себе роскошные наряды к праздничным торжествам.

Накануне свадьбы в царский дворец доставили небольшой сундучок. Было сказано, что в этом сундучке подарок для царской невесты. Охрана не обнаружила ничего подозрительного, и его передали Амелии. Когда девушка открыла сундучок, то вскрикнула от радости: в нём лежало подвенечное платье невиданной красоты. Казалось, его соткали из нежнейших облаков и накинули лёгкие золотые паутинки. Наверное, в ткань вплели серебристые струи дождей и обсыпали платье алмазным блеском капли – так оно сияло и переливалось.

Амелия не могла удержаться и тут же решила примерить свадебный наряд. Она надела его и подошла к зеркалу. И вдруг в один миг прекрасное подвенечное платье превратилось в грубую волосяную рубаху, а лёгкие золотые паутинки – в тяжёлые железные цепи. Амелия вскрикнула от ужаса. Она попыталась тут же снять с себя колючую рубаху. Но та будто прилипла к ней. Амелия призвала на помощь слуг. Слуги пробовали снять ужасный наряд, но девушке при этом казалось, будто с неё сдирают кожу. Ни один мастер не смог разбить тяжёлые железные цепи, которыми было оковано тело Амелии. Все это доставляло ужасные мучения: власяница колола и жгла её нежное тело, а железные вериги заставляли сгибаться под своей тяжестью чуть не до земли.

Когда же попытались дознаться, кто передал сундучок со злосчастливым платьем для царской невесты, слуги ничего толком не могли ответить. Одни говорили, что сундучок передал молодой юноша, похожий на оруженосца Еремея, другие уверяли, что это была женщина в золотистых перчатках, а третьи, – что сундучок с дарственной надписью обнаружили возле царских ворот, и кто его передал – неизвестно.

Что ни говори, а наряд из волосяной рубахи и цепей не подходил для царской невесты. Амелию потихоньку отправили опять в дом её родителей.

Стеная и гремя цепями, вступила Амелия под своды родительского дома, который еще совсем недавно покидала в ожидании богатства и веселья.

И теперь несчастная Амелия решила взглянуть на свои чудесные платья, которые подарил ей благородный Еремей. Она открыла сундук, в котором хранились наряды.

– Где мои чудесные платья?! – воскликнула несчастная.

Сундук был пуст, вернее, почти пуст: вместо платья из утренней росы девушка увидела лужицу воды, от платья из полуденных солнечных лучей остался обожжённый ворот, а наряд, сотканный из вечерней розовой зари, превратился в капли крови.

Амелия очень быстро постарела, её красота увяла, лицо сморщилось и покрылось глубокими морщинами, волосы поседели. Её так никто и не взял замуж. До конца своих дней она носила ужасную волосяную рубаху и волочила тяжёлые железные цепи. Гремя ими, она бесцельно бродила по старому опустевшему дому.

– Чудесные платья, где мои чудесные платья? – без конца бормотала Амелия.

ТРЮФЕЛЬКА

Везет же тем сладкоежкам, которые рождаются принцессами, царевнами или, на худой конец, княгинями. Они могут лакомиться пирожными,

мороженым, конфетами, сладкими пирогами, кремовыми трубочками и взбитыми сливками с утра до вечера.

Например, вечером они говорят своему повару:

– На завтрак я бы хотела банановую запеканку в земляничном желе с сахарными стружками. На обед – тушёную вишню в ванильном соусе и яблочно-абрикосовый кекс, обсыпанный миндальными орешками, а на ужин фаршированные пломбиром груши в глазури. Ну, а кокосовый пудинг, шоколадное печенье, бисквит с ореховым муссом и апельсиновое суфле – на закуски.

– Будет исполнено, – почтительно отвечает повар и в точности исполняет заказ.

Именно такой сладкоежкой и была принцесса Трюфелька. Её любимый повар Пампуша просто не знал, что с ней делать. Трюфельке давно уже надоели бисквиты, кексы, пирожные, кремы-брюле, конфеты и торты. Она выдумывала небывалые блюда, и Пампуша должен был исполнять мечты капризной сладкоежки. Каждый вечер принцесса звала Пампушу к себе и говорила:

– Испеки мне, дорогой Пампуша, на завтрак клубничные кирзеты.

– Слушаюсь, ваше величество, – отвечает повар.

Правда, ему не совсем понятно, что такое клубничные кирзеты. Ясно, что это нечто сладкое на вкус и красивое на вид.

– Простите, ваше величество, а клубничные кирзеты это что-то мармеладное, с привкусом сливочного крема.

– Нет, наоборот, – отвечает принцесса.

– Тогда все понятно, – важно кивает головой Пампуша.

– К обеду на десерт пусть подадут воздушные ландорики и маковые терлетки, – продолжает Трюфелька.

– Позвольте мне приготовить воздушные ландорики наподобие легкого хвороста с сахарно-кунжутной пудрой.

– Пожалуй, можно, – соглашается Трюфелька, – только надо добавить к ним фруктовый привкус, лучше лимонный.

– Будет сделано. А маковые терлетки – это что-то вроде блинов с припеком, но только понежнее? – неуверенно спрашивает Пампуша.

– Нет, что ты, – морщит носик Трюфелька, – маковые терлетки, это, это... Терлетки с маком, вот.

– Ну, теперь все ясно. Я возьму слоёное тесто, карамельный бисер, немного сливового джема, медовый мак и приготовлю то, что вы хотите.

Трюфелька на минутку задумывается:

– И знаешь, подай к ним густой черешневый сок.

– Прекрасная идея! – восклицает Пампуша.

– Ну, а на ужин, на ужин, дорогой мой, приготовь мне... Мне приготовь... Ореховые фаршированные роллы, – на ходу выдумывает Трюфелька очередное блюдо, и вопросительно смотрит на Пампушу.

Пампуша задумывается.

– Полагаю, ваше величество, это трубочки из ореховой пастилы, начинённые тертым песочным печеньем. И хорошо бы добавить туда мелкие кусочки щербета и цукатов.

– Точно! – соглашается Трюфелька. – Я так и думала!

Трюфелька заканчивает давать распоряжения, и Пампуша возвращается на кухню. Там он вместе с поварами трёт, взбивает, печёт, мелет, режет до глубокой ночи, чтобы к завтрашнему дню были готовы и клубничные кирзеты, и воздушные ландорики, и маковые терлетки, и, конечно, ореховые фаршированные роллы. Так день за днём.

Вот, пришло время Трюфельке выходить замуж.

– Я выйду замуж за того, кто сделает мне самый необыкновенный сладкий подарок, – объявила принцесса.

Надо сказать, что Трюфелька считалась завидной невестой: у нее было богатое царство с обильными нивами, тучными стадами, бескрайними лесами. Многие принцы и королевичи, особенно из захудалых королевств, не прочь были жениться на ней. К тому же она была хороша собой. Правда, имелся у неё один недостаток: Трюфелька очень любила себя, считая принцессу Трюфельку невероятно симпатичной особой. Впрочем, такое нередко бывает у принцесс, стоит ли на это обращать внимание.

Как взволновались все принцы и королевичи, когда узнали о решении Трюфельки. Они стали искать самых лучших поваров в своих королевствах и за их пределами.

По соседству с государством Трюфельки, в небольшом княжестве, жил князь Александр Редко-пир, он давно был влюблён в принцессу, и теперь, чтобы получить её в жены, ему нужно было сделать для неё самый необыкновенный сладкий подарок. Он не стал искать лучших поваров в княжестве, а позвал своего мудрого советника, и тот дал ему бесценный совет:

– Подари ей такой сладкий подарок, от которого она не в силах будет отказаться и признает его самым лучшим.

– Я тоже об этом думал, – ответил князь Александр, – но что это за подарок?

Тут советник что-то шепнул на ухо князю, и лицо Александра просияло:

– Конечно! – радостно воскликнул он.

– Но для этого тебе нужен не только хороший пекарь, но и отличный художник.

– Я найду и того, и другого!

Князь тут же принялся за дело, и уже на следующий день в его дворец были доставлены лучший пекарь и первейший художник, которые принялись готовить сладкий подарок для Трюфельки.

Но и в других царствах, королевствах и княжествах принцы и королевичи не теряли время даром и не сидели, сложа руки. Каждый старался приготовить что-нибудь необыкновенное и очень сладкое.

И вот наступил день, когда всем, желающим получить руку принцессы Трюфельки, было позволено поднести ей подарки.

Чего только не напридумывали принцы, царевичи, королевичи и князья со своими поварами. В огромный зал один за другим входили женихи, а за ними несли громадные торты из бисквита и мороженого, выпеченные корзины, наполненные пирожными в виде фруктов, огромные букеты цветов, сделанных из пряников, мармелада, взбитых сливок и густого желе. И надо сказать, цветы выглядели как живые.

Трюфелька с интересом рассматривала дары и женихов, пробуя понемногу каждый подарок.

– Королевич Вильгельм Долгопуст! – громко объявил дворецкий.

В зал въехала большая шоколадная карета, запряженная шестеркой лошадей. Из кареты выпрыгнул длинный и тощий королевич Вильгельм.

– Принцесса! Вот мой сладкий подарок! – воскликнул он. – В этой карете всё съедобное и сладкое. Ну, кроме, разумеется, колёс. Сиденья сделаны из сладких сухариков с марципаном, двери – из сдобных куличей, ручки – из засахаренной хурмы, а вся карета из молочного шоколада.

– Очень мило, – вежливо сказала Трюфелька и отщипнула кусочек хурмы. А сама подумала: «Молочный шоколад не едят даже мои горничные».

– Кто следующий?

– Принц де Голишом! – выкрикнул дворецкий.

В зал въехала повозка, на которой стояло чудесное кулинарное изделие: большой дворец, перед которым разлился пруд из виноградного сока. В пруду плавали лебеди, из белоснежной меренги. Перед дворцом бил небольшой фонтанчик.

– Попробуйте, принцесса, воду из этого фонтана, – де Голишом зачерпнул маленьким серебряным ковшиком воду и с почтением протянул Трюфельке.

– Арбузный сироп, – угадала принцесса, отпив один глоток

Стены дворца были выпечены из легкого слоёного теста, а вместо стекол вставлены тонкие цветные леденцы. Из сливочного крема были сделаны колонны, украшения и скульптуры. Крыша залита густым желе из малины. А над крышей возвышалась труба, сложенная из халвы.

– Все это чудесно, – сказала принцесса Трюфелька, – но про такой дворец я уже читала в какой-то сказке. Кто следующий?

– Князь Ломбардский! – объявил дворецкий.

В зал внесли большую книгу. Надо же было такое придумать! Книга оказалась съедобной! Толстый переплёт был изготовлен из цветных вафель. И каждый лист книги мог порадовать любого сладкоежку. Один был тонким ароматным печеньем, другой – квадратным блином, третий сделан из фруктовой пастилы, четвертый – из медовой лепешки. И на каждом листе сладкими черничными чернилами были написаны восторженные стихи, посвященные принцессе Трюфельке.

Принцесса с удовольствием листала книгу, читала нежные стихи, отламывая кусочки от некоторых листов. Все женихи затаили дыхание. Казалось, что выбор сделан, и принцесса назовет своим избранником принца Ломбардского, подарившего ей необыкновенную сладкую книгу.

– Есть ли у нас ещё кто-нибудь? – спросила она дворецкого.

– Да, последний жених. Князь Александр Редко-пир! – выкрикнул дворецкий.

Принцесса без всякого интереса посмотрела на парадную дверь и вдруг застыла от изумления: в дверях появилась еще одна принцесса Трюфелька, только в виде... торта. Но какое правдоподобие! Она была, как живая! Повар и художник потрудились на славу. Лицо и руки сладкой Трюфельки были сделаны из розового зефира и облиты тонким слоем полупрозрачной глазури. Мелкая стружка из черного шоколада пошла на реснички и брови. Два отполированных до блеска каштана были глазами Трюфельки а губы – вишнёвые карамельки. Золотистые волосы выпечены из сладкого яичного теста. Нежную шею украшали бусы из резных орешков. А уж сколько сладостей пошло на роскошный наряд Трюфельки: белый шоколад – на платье, сладкая молочная пенка – на кружева, суфле – на воланы и бантики.

Трюфелька с восторгом рассматривала себя, не решаясь отломить от своего сладкого двойника даже крошечного кусочка.

– Разве может быть в мире что-нибудь слаще самой принцессы Трюфельки? – нежно произнес князь Александр, глядя в глаза своей возлюбленной. – Об этом я и хотел сказать вам своим подарком.

– Да, да – ответила смущённо принцесса. – Она оглядела зал. – Вот мой избранник! – громко объявила Трюфелька всем присутствующим, указав на Александра.

Мудрый советник не ошибся, посоветовав князю Александру сделать сладкое изделие в виде самой принцессы Трюфельки.

«Она не сможет устоять перед любовью к себе», – говорил он.

Хорошо, если в сердечке принцессы осталось место и для князя Александра Редко-пира.